

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 19**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 19 / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 280 с.

ISBN 978-5-458-04669-5

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04669-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Подвижныя ассоціаціи представленій *).

Наша душевная жизнь состоитъ въ непрерывной смѣнѣ ощущений, идей, влеченій, актовъ воли, чувствованій. Изъ этихъ явленій, переживаемыхъ нами, одни вызываются внѣшними причинами, коренящимися или въ впечатлѣніяхъ изъ окружающаго міра, или въ измѣненіяхъ нашего организма, другія порождаются изнутри, дѣйствіемъ психическихъ факторовъ. Все содержаніе жизни нашего сознанія сводится къ этимъ двумъ порядкамъ феноменовъ. И ясно, что изъ указанныхъ двухъ порядковъ явленій главный интересъ психолога неизбежно сосредоточивается на второмъ: послѣдовательность внѣшнихъ возбужденій отъ души не зависитъ; наприм., не нами выбираются тѣ ощущенія, которыя мы испытываемъ чрезъ прямое воздѣйствіе окружающей среды. Для психолога въ этомъ случаѣ важно только то, на какіе психическіе факты и при какихъ фізіологическихъ условіяхъ переводятся для нашего сознанія чисто физическія впечатлѣнія внѣшняго міра. Другое дѣло — порядокъ явленій, развивающійся въ душѣ самостоятельно, подъ вліяніемъ внутреннихъ возбужденій: изслѣдованіе этихъ явленій цѣликомъ попадаетъ въ область психологіи. Освѣтитъ природу нитей самобытно развивающихся въ насъ психическихъ состояній значитъ очень близко подойти къ опредѣленію самаго существа нашей сознательной жизни.

*) Рефератъ, читанный въ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества 8 мая 1893 г.

Пониманіе глубокой важности такой проблемы впервые со всею отчетливостью сказалось въ психологическихъ изысканіяхъ прошлаго столѣтія. Начиная съ Юма, вопросъ о законахъ сочетанія испытываемыхъ нами психическихъ явленій получилъ господствующее значеніе не только среди англичанъ, но и въ остальной Европѣ,—почти во всѣхъ оригинальныхъ попыткахъ объяснить душевную жизнь. Юмъ вновь установилъ законы ассоціаціи идей, намѣченные еще Аристотелемъ. „По моему мнѣнію,—говоритъ Юмъ *),—существуютъ только три начала сочетанія идей, именно: *сходство, смежность* во времени и мѣстѣ и *причинность*“. Правда, онъ тутъ же дѣлаетъ оговорку: „Трудно представить доказательства, удовлетворительныя для читателя и даже для самого себя, что это перечисленіе обладаетъ полнотою, и что нѣтъ никакихъ другихъ законовъ ассоціаціи между идеями“. Но на эту оговорку послѣдователи Юма обратили мало вниманія. Какъ вѣрно замѣчаютъ нѣкоторые критики, Юмъ своимъ ученіемъ о законахъ ассоціаціи произвелъ среди психологовъ впечатлѣніе сходное съ тѣмъ, какое въ нынѣшнемъ вѣкѣ вызвалъ Дарвинъ своею теоріей „естественнаго подбора“ между натуралистами и философами. Усилія цѣлаго ряда изслѣдователей душевныхъ явленій были устремлены на то, чтобы показать, что начала, выставленныя Юмомъ (притомъ, сведенныя всего къ двумъ: смежности и сходству), суть единственные законы, управляющіе сочетаніемъ нашихъ представленій. Гертли и его школа, Броунъ, Джемсъ Милль, Джонъ Ст. Милль, Бэнъ—отмѣтили своими именами послѣдовательное развитіе теоріи, обращающей всю умственную жизнь въ механически неизбежный результатъ законовъ ассоціаціи. Аналогическое движеніе происходитъ и за предѣлами Англіи: теорія Кондильяка въ прошломъ столѣтіи и нѣмецкія теоріи Гербарта и Бенеке въ нынѣшнемъ, значительно уклоняясь отъ англійской психологіи въ методахъ и основныхъ предположеніяхъ, тѣмъ

*) Inquiry concern. the Human Underst. Sect. III.

не менѣе одинаково одушевлены стремленіемъ объяснить разнообразную сложность душевнаго существованія механическимъ взаимодействіемъ простѣйшихъ элементовъ психической жизни, которое совершается по немногимъ, разнообразнымъ, всегда неизмѣннымъ законамъ.

Это движеніе привело ли къ прочнымъ успѣхамъ, дало ли оно дѣйствительный ключъ къ разгадкѣ душевныхъ процессовъ? Кажется, въ настоящее время на этотъ вопросъ уже можно отвѣтить отрицательно. Я не буду говорить о теоріяхъ Гербарта и Бенеке, вліяніе которыхъ въ наши дни безспорно ослабѣло и содержаніе которыхъ явно окрашено метафизическими взглядами ихъ авторовъ. Но и эмпирическая ассоціативная психологія, какъ она развилась въ Англіи и въ другихъ странахъ Европы, не оказалась на высотѣ своей задачи. Ея заслуги въ рѣшеніи отдѣльныхъ психологическихъ проблемъ несомнѣнны, но ея общіе принципы все же явились слишкомъ бѣдными и односторонними, чтобы съ ихъ помощью въ самомъ дѣлѣ можно было построить науку о душѣ въ ея цѣломъ. Оттого преувеличенныя надежды, вызванныя ассоціативною теоріей, постепенно смѣняются все болѣе замѣтнымъ разочарованіемъ. Въ послѣднее время противъ нея направляютъ удары не только психологи-идеалисты, но и такіе реалисты, какъ Вундтъ; голоса, доказывающіе несостоятельность ея объясненій, настойчиво раздаются и среди представителей фізіологической психологіи во Франціи *).

Дѣйствительно, въ ассоціативной теоріи существуютъ два крупныхъ и едва ли поправимыхъ недостатка. Во-первыхъ, законы, ею утверждаемые, слишкомъ неопредѣленны по своему содержанію, — по нимъ нельзя угадать направленія, которое должна принять, подчиняясь имъ, психическая жизнь въ своемъ поступательномъ ростѣ. Этотъ упрекъ, правда, не относится къ закону смежности: смыслъ этого закона простъ и ясенъ. Бэнъ его формулировалъ такъ: „Дѣйствія, ощущенія и состоянія чувства, встрѣчающіяся вмѣстѣ или

*) См. напр. очень вѣскія замѣчанія противъ нея у А. Binet, въ его книгѣ *Les altérations de la personnalité*.

въ сплошномъ преемствѣ, стремятся и возникать вмѣстѣ или связываются, такъ что когда въ послѣдствіи представляется духу одно изъ нихъ, то бывають готовы возстановиться въ идеѣ и другія“. Коротко говоря, онъ означаетъ: что пережито нами вмѣстѣ, то и воспроизводится въ нашемъ сознаніи вмѣстѣ. Однако въ самой точности закона смежности коренится неизбѣжная ограниченность его приложенія: вѣдь мы не только вспоминаемъ и автоматически повторяемъ то, что испытали раньше. Слишкомъ очевидно, что остается огромная область умственныхъ явленій, при объясненіи которыхъ смежность ни при чемъ. И вотъ для объясненія этой весьма обширной области ассоціативная психологія предлагаетъ лишь законы сходства и контраста, при чемъ законъ контраста обыкновенно разсматривается какъ развѣтвленіе закона сходства. Смыслъ закона сходства у Бэна выраженъ такимъ образомъ: „Дѣйствія, ощущенія, мысли или волненія настоящія стремятся оживлять сходныя съ ними впечатлѣнія или состоянія прошлыя“. Вотъ принципъ, изъ котораго должно быть выведено въ содержаніи нашего ума все то, что не есть простое воспроизведеніе пережитыхъ событій по ихъ смежности! При этомъ однако подымается недоумѣніе, вполне основательное: вѣдь всѣ идеи нашего сознанія въ какомъ-нибудь отношеніи имѣють сходство, въ какомъ-нибудь отношеніи представляютъ контрастъ. Итакъ, утвержденіе господства законовъ ассоціаціи надъ всѣми дѣйствіями нашего ума не сведется ли къ простому признанію того, что всякая идея, при удобныхъ для того обстоятельствахъ (которыя однако въ содержаніи самихъ законовъ нисколько не предопредѣляются), можетъ сочетаться со всякою другою идеей? Такая безобидная, но въ то же время явно ничего не говорящая истина должна ли считаться достаточнымъ принципомъ для объясненія внутреннихъ процессовъ душевной жизни?

Другой недостатокъ ассоціативной психологіи еще важнѣе, и поэтому разсмотрѣніе его я сдѣлаю исходною точкой моего реферата. Общепринятые законы ассоціаціи, при

всей неопредѣленности и крайней общности ихъ формулъ, взятыхъ въ цѣломъ, при кажущейся неограниченности того поля возможныхъ сочетаній между идеями, которое они устанавливають, все же не покрываютъ и не выражаютъ дѣйствительной связи психическихъ явленій, въ ея очень существенныхъ особенностяхъ. Что означаетъ законъ смежности? Если въ нашемъ опытѣ даны явленія А, В, С одновременно или въ непосредственномъ преемствѣ, и если потомъ въ насъ возникаетъ представленіе А, оно вызоветъ представленія В и С. Что предполагаетъ законъ сходства, по его прямому смыслу? Представленіе А можетъ вызвать однородное съ нимъ представленіе A_1 , это въ свою очередь A_2 и т. д. Допустимъ смѣшанное и разнообразное дѣйствіе обоихъ законовъ (какъ это обыкновенно бываетъ въ нашей внутренней жизни). Положимъ, А, съ одной стороны, воскресило В и С, съ другой, — оно заставило возродиться представленіе A_1 ; A_1 , въ свою очередь, вызвало, по смежности, сопровождающія его обстоятельства D и E; допустимъ далѣе, что E, по сходству, оживило представленіе E_1 , а это, съ своей стороны, представленія о сопровождающихъ его обстоятельствахъ F и G. Обращаясь къ другому концу первой изъ разсмотрѣнныхъ нами ассоціаций по смежности (А, В, С), мы можемъ предположить, что С, по сходству, вызоветъ идею о C_1 , а она, по смежности, идеи K, L, M и т. д. Мы получимъ очень разнообразныя и сложныя сочетанія представлений, а если угодно, можемъ ихъ сдѣлать и еще гораздо сложнѣе въ нашемъ схематическомъ построеніи.

Какой однако признакъ неизбѣжно остается при этихъ рядахъ, какъ бы мы ихъ ни умножали? Они все-таки являются собою лишь воспроизведеніе пережитого, и даже именно въ томъ порядкѣ, какъ оно было пережито; мы имѣемъ въ нихъ цѣпи нашихъ воспоминаній, только во многихъ пунктахъ оборванныя дѣйствіемъ закона сходства; но и это дѣйствіе вводитъ въ наше сознаніе лишь новыя цѣпи *опять-таки воспоминаній*. Отдѣльныя звенья этихъ цѣпей могутъ по-

тускнѣть, пожалуй, совсѣмъ выпасть, но отъ того ихъ основной характеръ не измѣнится: законъ сходства работаетъ лишь на томъ матеріалѣ, который данъ въ отношеніяхъ смежности, и во всякомъ случаѣ онъ соединяетъ лишь испытанное нами и соединяетъ такимъ, какимъ оно было испытано. И по формулѣ Бэна, настоящія ощущенія стремятся оживлять сходныя съ ними *прошлыя* психическія состоянія. При этихъ данныхъ, какъ объяснить, возвращаясь къ нашей прежней схемѣ, положимъ, возникновеніе въ нашемъ умѣ совершенно новаго и въ то же время очень отчетливаго сочетанія: А, G, t (обозначая черезъ t какой-нибудь элементъ, совсѣмъ чуждый господствующимъ въ переживаемую минуту въ нашемъ сознаніи сочетаніямъ по смежности)? А вѣдь такое *новообразование* сочетаній между идеями происходитъ въ насъ постоянно. Мы не только погружены въ созерцаніе прошлаго и усмотрѣніе сходствъ и различій составляющихъ его элементовъ,—мы думаемъ и приходимъ къ новымъ выводамъ, мы воображаемъ и создаемъ иногда фантастическія картины вовсе небывалыхъ вещей и событій, мы дѣйствуемъ и преслѣдуемъ планы, которые нерѣдко должны въ корень передѣлать окружающую насъ обстановку. Положимъ, наша фантазія рисуетъ себѣ образъ человѣка съ рогами наголовѣ и съ козлиными ногами. Дѣйствіемъ какого изъ общепринятыхъ законовъ ассоціаціи возникаетъ этотъ образъ въ первый разъ? По закону смежности? Но мы такого человѣка никогда не видѣли. Или, можетъ-быть, законъ сходства стянулъ въ одно цѣлое элементы, составляющіе нашъ образъ? Но какое же сходство между рогами и человѣческой головой или человѣческимъ туловищемъ и козлиными ногами? И даже если сослаться на неопредѣленность термина «сходство» и во имя этого утверждать, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и рога, присоединенные нами къ головѣ, похожи на эту голову и ноги на туловище, все-таки остается вопросъ: почему именно эти сходства отразились въ нашемъ сознаніи и какъ они привели къ единому, цѣльному представленію? Вѣдь не нужно

забывать, что еслибъ мы приставили мысленно къ человѣку какіе-нибудь извѣстные намъ рога (положимъ, рога большой коровы), и ноги какого-нибудь знакомаго намъ козла, изъ этого едва ли что-нибудь получилось бы. Конкретный образъ возникнетъ въ насъ тогда только, когда мы всѣ его частности приведемъ во взаимную гармонію и видоизмѣнимъ ихъ сообразно требованіямъ цѣлаго. И то, что сказано объ этомъ примѣрѣ, относится къ необозримо обширной области нашихъ умственныхъ дѣйствій. Всѣ наши научныя, художественныя и практическія построенія такъ же мало равняются сходствамъ и различіямъ прежде полученныхъ нами впечатлѣній, какъ сатиръ не есть человѣкъ. Въ виду этого, какъ—подобно Юму—утверждать, что сходство и смежность суть единственные начала сочетанія идей?

Что этотъ пунктъ неразрѣшимо труденъ для ассоціативной психологіи, можно видѣть изъ того, что именно въ немъ одинъ изъ наиболѣе послѣдовательныхъ и убѣжденных ея представителей, Бэнь, обнаружилъ великую, бьющую въ глаза непослѣдовательность. Изобразивъ сначала всю умственную жизнь, поскольку въ ней сказывается оригинальная изобрѣтательность, какъ прямое порожденіе дѣйствія закона сходства, онъ потомъ вынужденъ ввести въ свою психологію ума отдѣлъ *конструктивныхъ ассоціаций*, которыя съ одинаковой неизбѣжностью присутствуютъ и въ нашихъ механическихъ навыкахъ, и въ нашихъ практическихъ дѣйствіяхъ, и въ актахъ нашего пониманія, и въ созданіяхъ нашей фантазіи. Отличительную особенность этихъ ассоціаций Бэнь полагаетъ во вліяніи *воли* на ихъ образованіе. Воля, преслѣдуя заранѣе поставленныя цѣли, видоизмѣняетъ содержаніе представленій и приводитъ ихъ въ новыя сочетанія, отвѣчающія ея стремленіямъ,—всякое творчество въ концѣ концовъ объясняется только этимъ. И Бэнь не хочетъ замѣтить, что этимъ допущеніемъ онъ рѣшительно уничтожаетъ то, что доказывалъ раньше: законы смежности и сходства перестаютъ быть дѣйствительнымъ объясненіемъ происходяшаго въ нашемъ умѣ; ихъ порожденія низ-

водятся къ уровню сырого матеріала, изъ котораго наша воля свободно черпаетъ то, что ей нужно.

Впрочемъ, едва ли достаточно признать воздѣйствіе нашей сознательной воли, направленной на опредѣленные цѣли, чтобы во всей полнотѣ объяснить процессы нашего сознанія. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ несравненно болѣе общимъ. Психологи мало обращаютъ вниманія на тотъ огромной важности фактъ, что стремленіе къ *преобразованію* сочетаній между идеями, къ ихъ постоянному *перераспредѣленію*, есть коренная черта нашего душевнаго существованія на *всѣхъ* его ступеняхъ, а не только на самыхъ высшихъ: *рядомъ съ силою прочною и устойчиваго сщпленія* (которая выражается въ дѣйствіи закона смежности и простѣйшихъ дѣйствій закона сходства) въ сочетаніи нашихъ идей постоянно сказывается сила *перераспредѣленія*, и трудно рѣшить, какая изъ этихъ тенденцій нашей души обладаетъ болѣе первоначальнымъ характеромъ. Можно утверждать больше: правильное и безпрепятственное воспроизведеніе представленій по закону смежности, повидимому, предполагаетъ направляющее вліяніе воли, заинтересованной въ такомъ воспроизведеніи; напротивъ, когда это вліяніе ослабѣваетъ, нарушающее дѣйствіе тенденціи къ перераспредѣленіямъ обнаруживается очень быстро.

Поясню мою мысль нѣкоторыми примѣрами. Положимъ, намъ очень важно вспомнить во всѣхъ подробностяхъ какое-нибудь событіе нашей прошлой жизни. Подъ вліяніемъ усиленной припоминанія, передъ нами постепенно развертывается вереница пережитыхъ событій именно въ томъ порядкѣ, какъ они произошли, воспроизводящая то, что случилось съ нами, иногда съ замѣчательною точностью. Среди воскресшихъ подробностейъ выдѣляется, наконецъ, и то обстоятельство, которое было для насъ важно и которое мы старались оживить въ своемъ сознаніи. Такимъ образомъ интересъ нашей воли удовлетворенъ; возможно однако, что и послѣ того, какъ наши поиски въ воспоминаніяхъ увѣнчались успѣхомъ, возникшая передъ нами картина прошлаго

продолжаетъ занимать насъ сама по себѣ, помимо всякихъ постороннихъ соображеній. Внутреннее напряженіе насъ утомило, мы уже ничего опредѣленнаго не ищемъ, мы просто пассивно отдаемся созерцанію, казалось, давно забытыхъ, теперь опять ярко всплывшихъ образовъ. Всякій, кто внимательно наблюдалъ за собою, согласится, что въ такихъ случаяхъ въ характерѣ нашихъ представленій обыкновенно происходитъ существенная перемѣна: ихъ выдержанность и строгая вѣрность пережитымъ событіямъ начинаютъ колебаться,—незамѣтно для себя мы сглаживаемъ и расцвѣчиваемъ предстоящую нашему сознанію картину и дѣлаемъ это тѣмъ охотнѣе, чѣмъ болѣе она отъ времени успѣла поблекнуть въ отдѣльныхъ частяхъ. Въ череду занимающихъ насъ образовъ мы начинаемъ вставлять выпавшія звенья, на мѣсто забытаго мы придумываемъ то, что могло произойти при данныхъ обстоятельствахъ и что возвращаетъ для насъ внутреннее единство разрозненныхъ элементовъ картины. Рядомъ съ этимъ процессомъ подновленія въ насъ подымается и другая работа: неуловимо для себя мы переходимъ къ соображеніямъ о томъ, что обстоятельства могли сложиться иначе, и внутренне измѣряемъ возможные послѣдствія такихъ перемѣнъ; въ своемъ воображеніи мы вновь разыгрываемъ давно пережитыя сцены, но исправленныя и дополненныя соотвѣтственно нашему теперешнему настроенію. Коротко говоря: отъ *воспоминаній* о прошломъ мы переходимъ къ *мечтамъ* о прошломъ. Этотъ элементъ мечты чрезвычайно важенъ для нашей внутренней оцѣнки пережитыхъ событій: именно изъ него объясняется столь свойственная людямъ *идеализація* ихъ прежней жизни, а иногда и завѣдомо извращенное представленіе о ней. Безусловная правдивость въ передачѣ пережитого есть даръ чрезвычайно рѣдкій.

Но допустимъ, что во время этихъ нашихъ мечтаній о прошломъ мы находимся въ состояніи физической и умственной усталости; пассивная, ничѣмъ не нарушаемая погруженность въ воспоминанія насъ убаюкиваетъ,—нами овладѣваетъ

дремота, приче́мъ однако наше слабѣющее сознаніе по-прежнему остается направленнымъ на занявшіе его предметы. Тогда мечты о прошломъ смѣняются *грезами* о немъ,—я разумѣю тотъ особенный разрядъ грезъ, который предшествуетъ наступленію полного сна. Окружающая насъ обстановка исчезаетъ для насъ; предъ нами оживаютъ давно знакомыя лица и мѣста. Всплывшія въ нашемъ сознаніи фигуры не стоятъ неподвижно,—онѣ совершаютъ разнообразныя дѣйствія, онѣ ведутъ между собою оживленные разговоры. И мы не остаемся равнодушными зрителями того, что совершается передъ нашимъ умственнымъ взоромъ; мы принимаемъ участіе въ разыгрываемыхъ дѣйствіяхъ, мы вступаемъ въ долгиа бесѣды съ воскресшими предъ нами лицами. Что же? Эти сцены, которыя проносятся передъ нашимъ внутреннимъ сознаніемъ, представляютъ ли изъ себя лишь простую копію прежнихъ событій? Едва ли это бываетъ часто. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, какъ въ этомъ убѣждаетъ cadaго его собственный опытъ, грезы о прошломъ еще дальше отстоятъ отъ пережитой дѣйствительности, чѣмъ простыя мечты о немъ. Въ нашихъ безотчетныхъ грезахъ мы обыкновенно имѣемъ несравненно болѣе смѣлыя и безцеремонныя варіаціи на пережитыя темы, нежели въ сознательной игрѣ нашей фантазіи. Матеріалъ возникающихъ въ нашемъ сознаніи комбинацій, конечно, данъ въ прошломъ опытѣ, но въ протекающихъ передъ нами картинахъ онъ оказывается неузнаваемо-видоизмѣненнымъ и искаженнымъ. И эта черта *искаженія* выражается въ нихъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ болѣе наше дремотное состояніе приближается къ сну и чѣмъ болѣе наши полусонныя грезы пріобрѣтаютъ характеръ настоящихъ *сновидѣній*.

Странное дѣло! Какъ это защитники ассоціативной психологіи обыкновенно не замѣчаютъ, что еслибъ законы смежности и сродства были единственными двигателями внутреннихъ процессовъ нашего сознанія, то содержаніе нашихъ сновидѣній являлось бы совсѣмъ другимъ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности? Вѣдь направляющее вліяніе нашей сознатель-